

Э. Р. Лассан

Вильнюсский университет, Литва
ORCID ID: 0000-0001-9415-9757✉ E-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt.

Об Истории как ТЕКСТЕ, метафорах истории и следствиях из них

АННОТАЦИЯ. Опираясь на работы известных историографов эпохи постмодерна (Ф. Анкерсмит, Р. Козеллек), автор осуществляет некоторую «ревизию» понятия «история» и его семантического представления в словарях (словарь Ожегова, Вебстеровский словарь, Кембриджский словарь). Автор полагает, что семантическое представление истории должно указывать на текстовую природу этого понятия. Поскольку, по мысли автора, не существует «истории» вне текста, то только введение слова «текст» в дефиницию открывает возможность соотнесения слова «история» с внетекстовой действительностью. Референтом слова «история» в таком случае является ментальный образ (возможный мир), создаваемый текстом в сознании его адресатов. Семантическую структуру многозначного слова «история» можно представить как прототипическую категорию, центральный член которой имеет вид «история — текст о прошлых событиях в жизни человечества». Автор рассматривает метафоры слова «история» и на материале русского языка пытается выделить концептуальные метафоры (скорее всего, общекультурные), к которым можно возвести огромное количество метафорических выражений с этим словом («история учит», «жизнь истории», «на сцене истории»). Автор выделяет три КМ (концептуальные метафоры) истории — *истории как организма, истории как механизма и истории как контейнера* — и показывает возможные следствия из них, определяющие поведение «человека общественного».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторические тексты; прототипические категории; метафорическое моделирование; метафорические модели; концептуальные метафоры; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лассан Элеонора, доктор habilitation гуманитарных наук, профессор, аффилированный профессор филологического факультета Вильнюсского университета (Институт балтийских языков и культур); Universiteto g. 3, LT-01513, Vilnius; e-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лассан, Э. Р. Об Истории как ТЕКСТЕ, метафорах истории и следствиях из них / Э. Р. Лассан // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 201-210. — DOI 10.26170/pl20-05-18.

2020 год стал годом «войн памяти»: различные национально-государственные коллективы в преддверии очередной годовщины окончания Второй мировой войны активизировали свою концепцию «исторической памяти», становившейся предметом изучения многих исследователей в области «политики памяти» (Адорно, Хальвабкс, Хобсбаум и др.).

Э. Хобсбаум в сборнике «Изобретение традиции» говорит о том, что политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и «внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующую их политические цели и господство... Память фактически оказывается здесь тождественной политической **идеологии**» [Hobsbawm 2000]. Войны памяти приводят к появлению языковых выражений «фальсифицировать историю», «переписать историю», «переименовать историю», и для лингвиста вопрос о значении слова «история» в этих выражениях открывает широкий простор для анализа, который способен показать, что при внешне тождественном употреблении такие выражения содержат отсылку не к одной и той же «истории», а кажущаяся равнозначность этих «историй»,

с одной стороны, предоставляет возможность для языковых игр остроловам, а с другой — становится фактором заблуждений для бытового сознания, согласно представлениям которого существовала некая совокупность фактов, независимая от их интерпретации и фиксации человеком. Языковое выражения *фальсифицировать историю* побуждает думать об искажении существовавших фактов, а *переписать историю* рисует уже другой образ истории — однажды написанного повествования, которое в силу разных причин подвергается «переписыванию», т. е. исправлению, изменению акцентов и т. д. — всему тому, что соответствует желаниям и цели «переписчиков». При внешнем сходстве во втором случае подчеркивается присутствие человеческого фактора с самого начала, в то время как в первом история предстает объективно данным в прошлом опыте.

«Многие скверные ученики стали знаменитыми историческими личностями. Как видно, историю легче делать, чем учить ее» (Фелеки). Мы уже сказали о словесных играх остроловов — эта фраза азербайджанского/персидского поэта^[1] Фелеки, приведенная в русском переводе, содержит определен-

ную игру слов, ведущую к тому, что анафорически употребленное местоимение ее таковым по сути не является. Будучи анафорическим, это местоимение должно заменять слово *история* в значении некоего процесса, развитие которого стимулируется определенными действиями, в то время как в выражении «учить историю» *история* предстает как учебная дисциплина. Вообще приходится констатировать, что единого содержания, вкладываемого в понятие «история», нет — в противном случае не было бы многочисленных подборок, озаглавленных «What Is History?» или «Цитаты об истории», включающих размышления об истории в форме ее определений, даваемых известными людьми. Лингвиста может занимать вопрос о точном описании значения/значений этого слова — у специалистов по философии истории понятие, обозначенное этим словом, вызывает сомнение в том, может ли **наука история** изучать то, что «что было на самом деле». Сказанное выше демонстрирует три разных употребления данного слова: событийный процесс, учебная дисциплина, наука. Можно привести различные контексты, в которых применяются описанные значения, если исходить из тезиса Л. Витгенштейна о том, что «значение есть употребление» [Витгенштейн 1994: 99]. Так, видный немецкий историк Райнхарт Козеллек приводит слова некоего барона фон Эйхендорфа, который однажды заметил: «Один творит (*macht*) историю, другой ее пишет». Далее Р. Козеллек пишет: «Формулировка выглядит ясной и определенной. Есть деятель, творец, виновник — и есть писатель, историк. Можно сказать, что Эйхендорф указывает на своеобразное разделение труда, причем речь очевидно идет об одной и той же истории: один ее творит, другой записывает. Получается, что история подвластна человеку в двух отношениях: практический деятель осуществляет свою власть над ней тем, что ее вершит, историк — тем, что ее пишет. Оба они ничем не стеснены в своих решениях. Пространство, в котором позволено развиваться истории, определяется людьми».

Сказанным можно объяснить различие значений в ставших популярными выражениях *фальсифицировать историю* и *переписать историю*: в этих случаях речь идет о «делаемой истории» и истории как продукте письма.

Наше исследование вдохновлено словами Р. Козеллека, суть которых, с одной стороны, после историографии эпохи постмодерна хорошо известна историографам^[2], а с другой — тем не менее недостаточно усвоена носителями современной культуры:

Меня, возможно, спросят: к чему все эти семантические изыскания, вдобавок представленные здесь в суммарном и сокращенном виде? Я хотел бы напомнить, что исторические события и их языковое оформление тесно связаны между собой. Однако ход исторических событий и их воплощение и обработка в языке полностью не совпадают: событие не исчерпывается своим языковым выражением [Козеллек 2004].

Можно усмотреть аналогию в работе историографа (мы предпочитаем говорить об историографах, а не историках)^[3] и лингвиста, занятого анализом структуры предложения. Историограф конструирует историческое поле, подобно тому как говорящий выбирает синтаксическую форму предложения для описания действительности, а лингвист анализирует эту форму предложения и сам текст с точки зрения реализации в них ролевых отношений. Если применить теорию глубинных падежей к структуре исторического поля, то можно сказать, что историографы заполняют одни и те же падежи, или одни и те же валентности, разными персонажами — участниками ситуации^[4]. Разумеется, далеко не все синтаксические роли присутствуют в историческом повествовании, но, тем не менее, фиксаторы событий могут наделять действующее лицо события определенной функцией. Напр., Наполеон принял битву при Бородино (некий деятель, чье действие может быть описано предикатами *выиграть/проиграть*, находящимися в отношениях конверсии). А далее описания начинают расходиться. В Рунете можно встретить значительное количество публикаций, в которых задается один и тот же вопрос: «Кто же победил в Бородинской битве?» [Александр Сахаров 2 www]. И вот один из ответов: «Отечественные историки традиционно подают Бородинское сражение как победу Русской армии. Французские (они называют ее „битвой на Москве“, имея в виду реку, а не город) — как победу Наполеона. И эти оценки держатся уже двести лет. <...> Объективность требует признать, что Бородинскую битву, если рассматривать ее отдельно взятую, в отрыве от всего хода войны, следует считать победой Великой армии Наполеона. <...> Поэтому, рассматривая Бородинскую битву в целом, учитывая итог войны 1812 года, то, наверное, наиболее точным будет ее определение как пирровой победы французов и их союзников» [Кто победил в Бородинской битве // История России www]. Сказанное объясняет, почему россияне, побывав в соборе Дома инвалидов в Париже и увидев в перечне побед Наполеона битву под Бородино, нередко испытывают удивле-

ние: они читали другую «историю», где это сражение умножало славу русского оружия и роль бенефицианта отводилась Кутузову, и не знают о французской Энциклопедии Ларусса, где Кутузов назван проигравшим сражение. «Представление о том, что в Бородинском сражении русская армия одержала нравственную победу над армией Наполеона, можно считать фактом общественного сознания русского народа, в разной степени признанным большинством российских историков» [Горбунов 2017: 7]. Вероятно, в такой трактовке истории сыграли роль и слова Льва Толстого о нравственной победе русского оружия в этой битве. Таким образом, нарративы русской и французской историографии демонстрируют свое различие на уровне заполнения «ролевых валентностей» предиката *сражение*.

Наша проблема связана не столько с логикой и глубинным синтаксисом исторического нарратива, сколько с анализом критериев разграничения значений слова *история*, имеющего весьма широкий круг употреблений, в которых оно наполнено разным содержанием, подводимым тем не менее под одно понятие «история» (*история учит / влипнуть в историю / приключилась история*). Вот что пишет об «истории слова *история*» Р. Козеллек (позволим себе привести весьма пространную цитату в силу оригинальности содержания):

Понятие, обозначаемое сегодня словом «история» с его многочисленными, порой логически противоречивыми смысловыми ассоциациями, сложилось лишь к началу XVIII века в результате длительной эволюции теоретической мысли Просвещения. До этого существовало, скажем, представление об истории, которую Бог устраивает совместно с человеком. Но история, субъектом которой было бы человечество, или история как субъект самой себя была немислима. Слово «история» употреблялось во множественном числе, при этом имелись в виду многочисленные истории, которые могли использоваться в качестве подходящих примеров в нравоучительных рассуждениях, в богословии, юриспруденции, философии <...> Людям стало казаться, что история им подвластна и что они сами могут ее создавать, лишь после того, как слово «история» обрело форму единственного числа и стало независимым понятием.

Как видим, новому способу мышления об исторических событиях предшествовали языковые изменения, которые, наш взгляд, тем не менее следовали за изменениями когнитивными.

Я назову несколько признаков, отличающих это новое понятие. 1. «Просто»

*история — это собирательное существительное единственного числа, вобравшее в себя всю совокупность отдельных историй. Тем самым понятие «истории» поднялось на более высокий уровень абстракции, стало описывать нечто гораздо более сложное, и это заставляло толковать теперь действительность в целом как историческую. 2. В это же время новое понятие истории вобрало в себя из латыни старую добрую *Historie*, служившую для обозначения знания и повествования о фактах и событиях. То есть история как действительность и история как рефлексия по поводу этой истории-действительности были подведены под общее понятие истории как таковой. Ход событий и процесс их осознания слились в одном и том же понятии. В этом смысле новое выражение можно назвать также трансцендентальной категорией: условия возможности исторического опыта и условия возможности исторического познания были суммированы в одном понятии.*

Семантическое представление такого понятия, возникшего как результат конвергенции, достаточно трудно, однако необходимо его, как уже было сказано, определить имеющей место путаницей представлений об «истории» как о прошлой действительности, существующей независимо от человека, и «истории» как рефлексии, т. е. зафиксированной и передаваемой в определенном виде сумме сведений о прошлом в тексте. По Ф. Анкерсмит, известному представителю лингвистической философии истории, история репрезентирует прошлое. Но что такое репрезентация, как не замена отсутствующего предмета как бы его присутствием? «Историческое повествование — это репрезентация прошлого. Репрезентация делает объект вновь присутствующим. Поэтому усилия историка направлены на то, чтобы замена прошлого была выполнена как можно лучше». Какую же замену признать лучшей? — по Анкерсмит, та, которая не будет противоречить другим, более поздним репрезентациям [Анкерсмит 2003]. С такой трактовкой лучшей репрезентации нелегко согласиться — борьба исторических концепций и временные победы одних над другими, понятия «буржуазная историография» / «марксистская историография» / «советская историография» и т. п. еще раз подтверждают тот факт, что история как научная дисциплина о прошлом есть нарративная форма, в той или иной мере соответствующая воззрениям «пишущего» историю, которые также формируются духом его времени, точнее, история есть ТЕКСТ. Американская «культурная революция»

(cancel culture), связанная с пересмотром деятельности многих почитаемых личностей и последовавшей за ним «депъедестализацией», стала возможной в силу того, что миру были предъявлены новые данные, до нынешнего момента не фигурировавшие в авторитетных исторических источниках. Это в свое время предрекла польский историк Е. Халас, отметившая, что при распространении политики защиты меньшинств наступает плюрализация нарративов и коллективных воспоминаний, проявляющаяся разными путями [Chalas 2008]. Поэтому выражение «переписать историю» вполне корректно — один текст становится авторитетнее другого: мы имеем яркую иллюстрацию смены текстов на примере американских событий 2020 г. — Колумб как смелый первооткрыватель сменяется Колумбом-работником, появившимся на страницах книги Говарда Зинна [Зинн 2006: 11—35].

В этом смысле слова бывшего министра культуры России Мединского, вызвавшие волну критики, не столь далеки от истины: «Историк — всегда заложник своих убеждений. Да, профессиональная этика и правила требуют от ученого стремиться быть объективным. Однако, увы, любой ученый-гуманитарий, как бы ни старался, есть плод своего воспитания, своей школы, он зависим от теоретических рамок, от выбранной методологии, даже от того языка, каким привык пользоваться. Он сам конструирует объект своего исследования, базируясь на знаниях, идеологемах, свойственных его времени. <...> Иначе говоря, всякая история, если по-честному, есть современная история. Ибо каждый смотрит в прошлое с позиции своего дня» [Мединский 2017].

Что же может дать лингвистический подход к истории в век уже свершившегося лингвистического поворота? «Главным следствием лингвистического поворота в историческом познании стало признание невозможности прямого доступа к прошлому, поскольку представленная в различных вариантах языковой репрезентации, историческая реальность всегда оказывается уже предварительно искаженной. На этом основании был сделан вывод о том, что если любому пониманию прошлого предшествует формирующее влияние языка, то неизбежна множественность исторических реальностей как языковых игр и их интерпретаций» [Гурьянова 2006]. (Ср. страсти вокруг именования Сталина «эффективным менеджером» и следствия из принятия такого определения этого исторического лица.)

Обратимся к толкованиям слова *история* в русских толковых словарях, сопоста-

вив их с соответствующими дефинициями в словарях английского языка (Вебстеровском и Кембриджском).

Словарь Ожегова. 1. Действительность в ее развитии, движении. Законы истории. 2. Совокупность наук, изучающих прошлое человеческого общества. Всемирная (всеобщая) и. И. средних веков. 3. чего или какая. Наука о развитии какой-н. области природы, знания. Естественная и. (устар.). И. театра. 4. чего. Ход развития, движения чего-н. И. нашей дружбы. И. болезни (карта, в к-рой регистрируются изменения в состоянии больного). 5. Прошлое, сохраняющееся в памяти человечества. События, вошедшие в историю. И. умалчивает об этом (об этом не говорится, не рассказывается; шутл.). 6. Рассказ, повествование (разг.). Рассказывать разные смешные истории. 7. Происшествие, событие, преимущ. неприятное (разг.). Попасть в историю. Целая и. произошла с кем-н. * Вот какая история! (разг.) — вот оно что, вот в чем дело, вот как обстоит дело. Вот так история! (разг.) — выражение удивления по поводу какого-н. события, происшествия. <...>|| прил. исторический, -ая, -ое (к 1, 2 и 3 знач.).

Нельзя не обратить внимания, что в дефинициях значений, связанных в ряде случаев по метонимическому (1 — 2; 2 — 5) или синекдохическому принципу (2 — 3; 1 — 4), не фиксируется текстовой, или нарративной природы, хотя анализ составляющих значение элементов 2 (наука), 3 (наука), 4 (из примеров ясно, что *история* — *ход нашей дружбы* или *история болезни* есть текст) демонстрирует именно текстовую природу описываемых референтов. Только первое значение (*действительность в ее развитии*) не позволяет нам приписать дефиниции элемент нарративного существования. Здесь человек отсутствует как в качестве деятеля, так и в качестве рассказчика о протекающем процессе.

Укажем на то, что если понимать историю как процесс, независимый от воли человека (то есть от ее «писания»), то трудно объяснить принятое деление времен на «историческое» и «доисторическое». «Доисторический период» понимается обычно как дописьменный период, т. е. не зафиксированная в письменных источниках жизнь человечества, а историческое время есть время, события которого сконструированы в различных текстах, будь то летописи или более поздние научные описания определенных временных периодов существования человечества. Таким образом, и здесь история самым непосредственным образом оказывается связанной с текстом.

Можно сказать, что словарные значения в толковых словарях русского языка не фиксируют участия человека в «создании» истории (возможно, 6-е значение — ‘рассказ, повествование’ — позволяет увидеть некий субъективный фактор), но именно компонент ‘повествование’, на наш взгляд, должен быть основным в семантических дефинициях этого слова. Учитывая сказанное, во всех случаях, кроме первого, было бы уместнее говорить об **исторических нарративах** как способах презентаций прошлого, построение которых определяется взглядами пишущего.

Введение в широкий обиход представления о текстовом (нарративном) характере Истории, возможно, избавило бы нас об уверенности в достоверности знаний, полученных из признаваемого на данном этапе легитимным, или авторитетным, источника и побудило бы к поиску разных источников для получения разносторонних представлений об определенном фрагменте бытия^[5].

Если сравнить описание значений английских эквивалентов слова *история* в Вебстеровском и Кембриджском словарях, то можно отметить, что толкование *истории* как самостоятельного процесса отсутствует и в том и в другом. Вебстеровский словарь основным значением считает следующее: ‘tale, story’, а второе значение содержит прямое указание на человеческий фактор: ‘chronological **record** of significant events (such as those affecting a nation or institution) often including **an explanation of their causes**’. В целом можно говорить, что и первое значение отражает текстовый характер истории, ибо ‘tale, story’ (сказка, история) есть не что иное, как нарративная структура.

Кембриджский словарь в качестве первого, основного значения, по отношению к которому другие рассматриваются как производные, указывает *PAST EVENTS* (прошлые события) и далее: ‘study or record past events considered together, especially events of a particular period, country, or subject’ (*изучение или запись прошлых событий, рассмотрение вместе, особенно событий определенного периода, страны или предмета*). В этом значении слово *history* уже сочетается с зависимыми словами. Здесь более четко прослеживается метонимическая связь между значениями, и полисемантическую структуру слова «история» можно представить как совокупность значений, имеющих инвариант ‘текст.’ Однако если признать значение Кембриджского словаря *past events* центральным, то нам трудно будет объяснить, напр., название книги Айзека Азимова «История будущего». Если же дефинировать ИСТОРИЮ как текст, то это по-

зволит приложить анализируемое понятие как к прошлым, так и к будущим событиям, конструируемым человеком на основе интерпретации его мировидения. Отметим, что утверждение ИСТОРИЯ есть ТЕКСТ О СОБЫТИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПРОШЛОМ^[6] (реже: будущем) не является метафорическим — на взгляд автора, понимание истории как прошлых событий есть всегда понимание, основанное на данных письменных источников. В таком случае *история*, трудно соотносимая с каким-либо референтом, получает такую отнесенность в виде одного из возможных миров, созданного автором текста о прошлом и внедряемого в сознание адресата текста в виде определенного ментального образа. Саму же семантическую структуру многозначного слова *история* можно представить как прототипическую категорию, где центральный член (прототип) представлен как ‘**текст (повествование) о прошлом человечества**’, а остальные члены удалены от главного по принципу степени осязаемости метонимических или синекdochических связей (напр., *история театра*). «История будущего» в таком случае окажется на самой периферии категории — ее будет роднить с прототипом компонент ‘повествование о событиях человечества’.

Если описывать историю как текст, то выражения, понимаемые как метафорические: *на скрижалях истории, страницы истории* — могут в таком случае терять свое метафорическое значение. Автор понимает некоторую спорность делаемого утверждения и тем не менее осмеливается высказать подобную мысль. Ставшая бестселлером книга Ю. Харари «Sapiens: краткая история человечества», имеющая в одной из аннотаций слова «Книга переворачивает представление о том, как именно шел ход мировой истории» [Плисов www], только служит иллюстрацией нашей мысли о текстовом характере ИСТОРИИ. После сделанного утверждения мы можем перейти собственно к метафорам *истории*.

МЕТАФОРЫ ИСТОРИИ

Как уже говорилось, одна из целей нашего исследования заключалась в анализе представления «истории» в сознании носителей русского языка, отраженном в метафорическом использовании этого слова. Описав метафорические потенциалы *истории*, мы сможем осознать способ видения ИСТОРИИ и уязвимые места такого представления, побуждающего думать, что то, на что намекает метафора, существует в действительности [Мак-Кормак 1990: 361]. Попытка выстроить такое метафорическое поле даст возможность при-

вязать наличие определенных метафор к определенному мировосприятию и по возможности объяснить причины смещения «действительности» с рефлексией по ее поводу.

Нужно сказать, что большинство метафор со словом *история* демонстрируют взгляд на нее не как на повествование, а как на онтологизированный внетекстовый феномен. *Ход истории, жернова истории, история наказывает за незнание уроков, история повторяется как фарс* и т. п. — здесь история предстает самостоятельным субъектом, способным осуществлять различные действия, обычно связываемые с человеком или механизмом.

Если история *наказывает, учит, молчит (история молчит упрямо)*, то, очевидно, можно говорить о ее «очеловечивании», точнее, об антропоморфной модели метафоризации, основанной на базовой метафоре «ИСТОРИЯ — ЭТО ЧЕЛОВЕК», напр.: «Когда история смотрит на нас» [Когда история смотрит на Нас [www](#)].

Соединение частных историй в историю общую отражено в иронической фразе: *История смотрит на нас с надеждой — вдруг кто-то влипнет* [Жемчужины мысли [www](#)]. Вторая часть бессоюзного сложного предложения, противопоставляющая ироническую тональность пафосной тональности первой, построена на игре значений *истории*: *история как человек — история как вязкий, липкий объект*, попадание в который рассматривается как неприятный случай. Именно конвергенция значений в одном слове позволяет осуществлять языковую игру и вместе с тем отправляет нас к иному пониманию истории (7-е словарное значение) — как неприятного происшествия. «*Эта пренеприятная история приключилась в начале прошлого века в одном из приволжских городов*» / *Сегодня со мной произошла пренеприятнейшая история. Меня обманула цыганка и выудила 800 рублей. Крайне неприятная история* [Лина [www](#)] / *Со мной случилась странная история* [Со мной случилась странная история [www](#)]. И вот здесь мы сталкиваемся с некоторой особенностью русской «*истории*»: с людьми чаще *случаются, приключаются, происходят* странные, мистические, неприятные истории, а *приятные, милые истории* обычно не имеют глагольного предиката, но если таковые иногда случаются, то они только *происходят*: «Самая милая история минувших выходных произошла на одной из автобусных остановок в Минске. Курсант МЧС заметил замерзавшую на остановке маленькую девочку — и отдал ей свой бушлат» [Милая история: курсант МЧС из Гродно...]. Так, в

газетном корпусе русского языка зафиксировано в период с 1989 по 2009 г. 82 употребления выражения *неприятная история*, демонстрирующего наибольший рост к концу первого десятилетия нового века. В основном корпусе — 86 вхождений с изменениями в обратном направлении: наибольшее число *неприятных историй* зафиксировано в 90-х гг. прошлого века, затем идет уменьшение подобного употребления — и новый рост к 2014 г., не достигший, однако, в литературных текстах числа *неприятных историй* в 90-е гг. *Милая история* за тот же период встречается 2 раза в основном корпусе русского языка и 4 раза в газетном корпусе. В последнем употребление выражения демонстрирует рост к 2014 г.

О чем может говорить подобная статистика? Разумеется, человек гораздо чаще фиксирует ситуации, представляющиеся негативными, чем то, что считается добром. Хорошее, по мнению Н. Д. Арутюновой, в большей степени соответствует представлениям о норме, поэтому реже фиксируется человеком [Арутюнова 1999]. Тем не менее ситуации добра также могут казаться исключительными, если субъект добра совершает действия, способные ему самому принести вред (спасти человека с риском для себя, вернуть кошелек...). Вместе с тем можно допустить, что носитель русского языка в реальной действительности, отражаемой газетными текстами, достаточно часто сталкивается со злом и ощущает себя пассивным участником такой ситуации, которой он не в силах противостоять.

Судя по словарным значениям английских толковых словарей, значение 'происшествие, чаще неприятное' не характерно для английской лексики *history*. Истории как необычные ситуации представлены в русском языке как обстоятельства, находящиеся вне воли человека — он становится их участником не потому, что этого хочет. Здесь вполне возможно описание на семантическом мета-языке А. Вежбицкой [Вежбицкая 1994; Wierzbicka 1992]: *с человеком (X) происходит что-то (Z). X не знал, что это произойдет. X этого не ждал. Z может быть и хорошим, и плохим, но чаще плохим*. Русскому режиссеру Марианне Яровской, чей фильм «Женщины Гулага» попал в шорт-лист «Оскара» 2019 г. в номинации «Лучший документальный короткометражный фильм», принадлежат слова «История — жестокий, но справедливый учитель». В аннотации к интервью с режиссером сказано следующее: «Кинолента Яровской повествует о судьбе шести женщин, переживших сталинские концентрационные лагеря» [Марианна Яров-

ская *www*]. Мы видим, что История представляет как совокупность частных историй и сближается с русской *судьбой*, от которой носитель русского языка, согласно А. Вежбицкой, чаще ждет плохого, нежели хорошего: «История — как колесница Джаггернаута у индусов. Перемалывает всех, кто попал ей под колёса» [Кондратьев *www*].

Выше мы говорили об антропоморфной метафоре истории. Однако выражения *жернова истории*, *ход истории*, *история ломает наше сознание* не соотносятся с этой метафорой. Соблазнительно здесь увидеть метафору самозапускающегося механизма, действующего как слепая сила. Но *паруса истории*, *тупики истории*, *ветер истории*, *айсберг истории*, *страницы истории*, *на полях истории*, *волны истории*, *рельсы истории* и т. д. и т. п. делают «историю» чем-то неуловимым, многоликим, похожим то на путь (процесс с целеполаганием), то на стихийную силу, то на некоторый механизм (*история перемалывает крупно*). В таком случае вряд ли стоит искать единую КМ для истории — одно из возможных разделений здесь может идти по линии **органистического** представления истории — организма, в котором все части взаимосвязаны (так представляли мир древние), и механистического представления истории — «с независимым порядком частей, слепо взаимодействующих посредством сил, прилагаемых ими друг к другу» [Бом 1992].

Если исходить из органистического понимания истории, где все ее части сочленены, то все личные истории становятся частью одной общей истории: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает, и под всякой могильной плитой лежит всемирная история» (Гейне). История уподобляется природе, и каждая последующая ее стадия подготовлена предыдущей, подобно тому, как рост растения состоит из последовательности стадий. Растительное (природное) представление истории может определять и ее автономность — дерево растет само по себе и может зависеть только от других природных сил, не подчиняясь человеку. Отсюда *история наказывает*, *история показывает человеку*, *история учит* ^[7]. На основе органистической метафоры реализуется и представление об истории как независимой от воли человека и в то же время подобной ему (или Богу) как самостоятельному субъекту, однако более могущественному. Здесь история не представляется ТЕКСТОМ, она существует сама по себе, поэтому ее можно *фальсифицировать*.

При механистическом понимании истории она в большей степени предстает меха-

низмом, для которого, с одной стороны, характерна бездушность, а с другой — созданность человеком. По свидетельству Р. Козеллека, выражение *созидать историю* вошло в немецкий язык в конце 40-х гг. XIX в. — поначалу оно звучало как вызов представлению об Истории как овеванной «дыханием божественного провидения» [Козеллек 2004]. Согласно этой метафоре, **история есть артефакт**. Здесь появляются языковые метафоры *жерновов истории*, *тарана истории*, *локомотива истории* и производных от них метафор движения (*движется по спирали*). Думается, что видение истории как механизма в большей степени порождает объектное представление об истории, истории как артефакте — ее можно *написать и переписать*. Но, с другой стороны, ее можно *творить, созидать* — так появляются «*творцы истории*» и возникает принципиальный для специалистов по философии истории вопрос: можно ли творить историю? Люди, живущие такой метафорой, относятся, если следовать Р. Козеллеку, к активным социальным группам, они склонны к переустройству мира и стремлению влиять на ход событий.

И тем не менее, посредством органистического и механистического представления истории мы не можем объяснить всего многообразия ее метафорических представлений. Существует еще одна метафора, которая может объединить разнообразие метафорических словоупотреблений *истории*: это воспринятая когнитивной лингвистикой в качестве концептуальной метафора контейнера [Лакофф, Джонсон 2008]. История есть вместилище, пространство, в рамках которого происходит движение времени. Соответственно, это движение предполагает средства передвижения (*рельсы истории*, *паруса истории*), сам путь (*пути истории*, *тупики истории*, *крутые повороты истории*) и даже начало и конец пути (известная работа Фукуямы «Конец истории и последний человек»). Сам предлог *в* (*в истории любого народа найдется немало страниц...*) говорит о представлении истории как контейнера. Контейнер (вместилище) может представлять как книга: *на страницах истории*, *строки истории*, «Историю, как лист, не вырывать из судьбы, / Но время не щадит у книги той страницы» (Г. Томашевская); пространство может иметь различный вид, и очень часто история представляется театром, сценой. Так появляются языковые метафоры, которые можно возвести к базовой театральной метафоре — «История — это театр»: *на сцене/авансцене истории*, *за кулисами истории*, *сойти со сцены истории*,

сыграть роль в истории, на подмостках истории. Представление истории как театра коррелирует с шекспировским пониманием мира: «Весь мир театр, и люди в нем актеры». Вместе с тем театральная метафора как разновидность пространственной пересекается с представлением об истории как написанном кем-то сценарии: *Я люблю твой замысел упрямый / И играть согласен эту роль. / Но сейчас идет другая драма, / И на этот раз меня уволь* (Пастернак). Наличие концептуальной пространственной метафоры «История — это контейнер», который может быть представлен разными пространственными формами (путь, сцена, книга), побуждает выбирать роль: *быть на авансцене* или довольствоваться скромной ролью зрителя («Подумайте в какие моменты истории появляется больше актеров политического театра, а в какие преобладают зрители» [Задание. Подумайте в какие моменты истории... www]), стремиться не оказаться *на задворках истории* или пребывать на ее *магистральном пути*. Пребывание на ее *магистральном пути* делает человека в его представлении уже *созидателем истории*. И здесь человеческая деятельность моделируется двумя КМ: «**история — артефакт**», «**история — пространство**».

Таким образом, мы можем констатировать «многоликость» Истории в сознании носителей культуры, а ее представленность разными КМ рассматривать как фактор ее восприятия и влияния на поведение человека.

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели возможное метафорическое представление истории применительно к ее пониманию как организма, артефакта и контейнера и следствия, вытекающие из этих метафор. Очевидно, только второе и отчасти третье понимание истории приближает нас к осознанию того, что история не существует как самостоятельный субъект (процесс развития человечества), а имеет артефактную природу: мы склонны утверждать, что **история — это текст**.

Смещение двух пониманий истории (самостоятельного процесса и артефакта) при отсутствии осознания «сделанности» истории может вызвать мировоззренческое и даже политическое противостояние: возникают обвинения в «фальсификации истории» и предпринимаются попытки восстановить ее «истинную картину». Современную общественную ситуацию в мире можно назвать борьбой «исторических нарративов». «Лучшее, что может дать история — это возбуждаемый ею энтузиазм» (Гете).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Справка из Большой российской энциклопедии: «*Фелеки Ширвани* Абу-н-Низам Мохаммед (1108 или 1110, Шемаха — 1146, по др. сведениям, сер. 1150-х гг.), **азерб. поэт**. Писал на перс. яз.». Брокгауз и Эфрон: «Фелеки Джебеледдин Мохаммед (ум. 1181) — **персидский** поэт-панегирист, живший при дворе Ширван-шаха и носивший титул „царя поэтов“». Как видим, в энциклопедических источниках различаются не только даты смерти, но и указания на национальную принадлежность поэта, что может ввести читателя, не слишком искушенного в исторических перипетиях одного из могущественнейших в прошлом государств планеты, в некоторое заблуждение.

[2] Историографы середины прошлого века говорят об истории как о «повествовании» (Х. Уайт) или как о «лингвистической форме» (Ф. Анкерсмит), к которым могут быть применены риторико-литературные средства анализа.

[3] Термин *историограф*, на наш взгляд, соответствует пониманию того, что «писание» истории осуществляется пишущим в соответствии с его принадлежностью к определенной — идеологической, языковой, национальной — общности и сложившейся в ней традиции.

[4] В равной степени можно говорить о морфологии повествования в духе В. Я. Проппа, выделяющего 7 основных действующих лиц сказки, составляющих своеобразную ролевою структуру сказочного повествования (Герой; Антагонист (вредитель); Даритель волшебных средств герою сказки; Волшебный помощник; Царевна или ее отец; Отправитель; Ложный герой).

[5] «Но здесь возникает серьезная проблема достоверности нарратива» (Пелевин).

[6] Здесь может возникнуть вопрос о соотношении художественного и документального повествования о прошлом — этот закономерный вопрос может быть разрешен в рамках жанров исторического повествования: в документальном повествовании композиция и стиль будут иными, нежели в художественном повествовании о тех же событиях.

[7] Ср.: «Природа показывает нам только львиный хвост» (А. Эйнштейн), «Природа учит нас понимать прекрасное» (К. Паустовский).

ИСТОЧНИКИ

1. Александр Сахаров 2. Кто же победил в Бородинской битве? / Александр Сахаров 2. — Текст : электронный // Про-за.ру : сайт. — 2012. — URL: <https://proza.ru/2012/09/12/1760>.

2. Жемчужины мысли. — URL: <https://www.inpearls.ru/>. — Текст : электронный.

3. Задание. Подумайте в какие моменты истории появляется больше актеров политического театра, а в какие преобладают зрители // Ответы : сайт. — URL: <https://otvet.mail.ru/question/219882712>. — Текст : электронный.

4. Когда история смотрит на Нас // Евангелие : христианский портал. — URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t141419.html>. — Текст : электронный.

5. Кондратьев, В. Евгений Сатановский: История — как колесница Джаггернаута у индусов. Перемалывает всех, кто попал ей под колёса/ Владимир Кондратьев. — Текст : электронный // Конт : сайт. — 2019. — 21 дек. — URL: <https://cont.ws/@kvf/1536110>.

6. Кто победил в Бородинской битве // История России. — 2018. — 10 дек. — URL: https://zen.yandex.ru/media/history_russian/kto-pobedil-v-borodinskoi-bitve-5c0e5c6deb86bc00a938af22. — Текст : электронный.

7. Лина. Сегодня со мной произошла пренеприятнейшая история... / Лина — Текст : электронный // МЗР. Блог. — 2019. — 25 сент. — URL: <https://health-diet.ru/people/user/129365/blog/208044/>.

8. Марианна Яровская о «Женщинах ГУЛАГа»: «Важно фиксировать свидетельства эпохи» // Newsader. — 2019. — 8 янв. — URL: <https://newsader.com/49525-marianna-yarovskaya-o-zhenshinakh-gulaga/>. — Текст : электронный.

9. Милая история: курсант МЧС из Гродно отдал куртку девочке, замерзавшей на автобусной остановке // Сайт Гродно. — 2019. — 8 окт. — URL: http://015.by/news/obshchestvo/milaya_istoriya_kursant_mchs_iz_grodno_otdal_kurtku_devochke_zamerzavshey_na_avtobusnoy_ostanovke_/sphrase_id=544514. — Текст : электронный.

10. Плисов, Е. Читать обязательно. «Sapiens. Краткая история человечества» Юваль Ной Харари/ Евгений Плисов. — Текст : электронный // Живые книги. — 2019. — 3 мая. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c58138625d7b000b1b3b5855chitat-obiazatelno-sapiens-kratkaia-istoriia-chelovechestva-iuval-noi-harari-5ccc2b3bc76e7d00b1fe3925>.

11. Со мной случилась странная история // Pressa.tv. — URL: <https://pressa.tv/read/48582-so-mnoy-sluchilas-strannaya-istoriya.html>.

ЛИТЕРАТУРА

12. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. — Москва : Идея-Пресс, 2003. — 360 с. — Текст : непосредственный.

13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — Текст : непосредственный.

14. Бом, Д. Развертывающееся значение / Д. Бом. — Текст : электронный // О самом важном (Беседы с Дэвидом Бомом) / Дж. Кришнамурти. — Москва : Либликс, 1996. — URL: <https://proza.ru/2020/03/06/801https://proza.ru/2020/03/06/801> (дата обращения: 02.06.2020).

15. Вежицкая, А. Судьба и предопределение / А. Вежицкая. — Текст : непосредственный // Путь. — 1994. — № 5. — С. 82—150.

16. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. — Москва : Гнозис, 1994. — 520 с. — Текст : непосредственный.

17. Горбунов, А. В. Бородинское сражение как «нравственная победа» русской армии / А. В. Горбунов. — URL: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/1992/Gorbunov.pdf (дата обращения: 01.07.2020). — Текст : электронный.

18. Гурьянова, А. В. Феномен «лингвистического поворота» в постмодернистской историографии / А. В. Гурьянова. — Текст : непосредственный // Философия. Наука. Культура. — Москва : Изд-во МГУ, 2006. — Вып. 4. — С. 110—115.

19. Зинн, Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / Г. Зинн. — URL: <https://e-libra.ru/read/412126-narodnaya-istoriya-ssha-s-1492-goda-do-nashih-dney.html> (дата обращения: 01.07.2020). — Текст : электронный.

20. Козеллек, Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») / Р. Козеллек. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (дата обращения: 05.30.2020). — Текст : электронный.

21. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

22. Мак-Кормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Мак-Кормак. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — Текст : непосредственный.

23. Мединский, Вл. Интересная история / Вл. Мединский. — Текст : электронный // Российская газета. — 2017. — 4 июля. — URL: <https://rg.ru/2017/07/04/vladimir> (дата обращения: 03.07.2020).

24. Харари, Ю. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Харари. — URL: <https://readli.net/sapiens-kratkaia-istoriya-chelovechestva/> (дата обращения: 03.07.2020). — Текст : электронный.

25. Halas, E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age / E. Halas. — URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00571038/document> (date of access: 02.07.2020). — Text : electronic.

26. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. — 320 p. — URL: <https://www.twirpx.com/file/790453/> (date of access: 02.06.2020). — Text : electronic.

27. Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations / Anna Wierzbicka. — New York : Oxford Univ. Pr., 1992. — 487 p. — Text : unmediated.

E. R. Lassan

Vilnius university, Faculty of Philology, Vilnius, Lithuania
ORCID ID: ☒

☒ E-mail: eleonora.lassan@ff.vu.lt.

On History as TEXT, Historical Metaphors and Their Entailments

ABSTRACT. The author revisits the notion of history and its semantic dictionary representations (Ozhegov's Dictionary, Webster's Dictionary, Cambridge Dictionary) by addressing the works of the well-known historiographers of the epoch of postmodernism (F. Ankersmit, M. Koselleck). In the author's opinion, the semantic interpretation of history implies the textual nature of this notion. Since, according to the author, there is no "history" outside the text, it is the introduction of the word "text" into the definition that opens up the possibility of establishing the correlation between the word "history" and the extratextual reality. The referent of the word "history" in this case is a mental image (possible world) created by the text in the consciousness of its addressees. The semantic structure of the polysemantic word "history" may be presented as a prototypical category, the central member of which is "history as a text about past events in the life of the humankind". The author analyzes the metaphors of the word "history" and on the material of Russian tries to single out conceptual metaphors (or, rather, general culture metaphors) to which a huge amount of metaphorical expressions with this word can be reduced ("istoriya uchit", "zhernova istorii", "na stsene istorii"). The author describes three conceptual metaphors of "history", such as *History is an Organism*, *History is a Mechanism*, *History is a Container* and demonstrates their possible entailments shaping the behavior of the "homo socialis".

KEYWORDS: historical texts; prototypical categories; metaphorical modeling; metaphorical models; conceptual metaphors; Russian.

AUTHOR'S INFORMATION: Eleonora Lassan, Habilitated doctor of Humanities, Professor, Affiliate professor at the Faculty of Philology, Vilnius university.

FOR CITATION: Lassan, E. R. On History as TEXT, Historical Metaphors and Their Entailments / E. R. Lassan // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 201-210. — DOI 10.26170/pl20-05-18.

MATERIALS

1. Aleksandr Sakharov 2. Who won the Battle of Borodino? / Alexander Sakharov 2. — Text : electronic // Proza.ru: website. — 2012. [Kto zhe pobedil v Borodinskoy bitve? / Aleksandr Sakharov 2. — Tekst : elektronnyy // Proza.ru : sayt. — 2012]. — URL: <https://proza.ru/2012/09/12/1760>. — (In Rus.)

2. Pearls of thought [Zhemchuzhiny mysli]. — URL: <https://www.inpearls.ru/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

3. The task. Think at which moments in history there are more political theater actors, and at which the audience predominates // Answers : website. [Zadanie. Podumayte v kakie momenty istorii poyavlyayetsya bol'she akterov politicheskogo teatra, a v kakie preobladayut zritel'i // Otvet : sayt]. — URL: <https://otvet.mail.ru/question/219882712>. — Text : electronic. — (In Rus.)

4. When History Looks at Us // Gospel: Christian Portal. [Kogda istoriya smotrit na Nas // Evangelie : khristianskiy portal]. — URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t141419.html>. — Text : electronic. — (In Rus.)

5. Kondrat'ev, V. Evgeny Satanovsky: History is like a Juggernaut chariot among the Hindus. Grinds everyone who got under her wheels / Vladimir Kondrat'ev. — Text : electronic // Contact : site. — 2019. — Dec 21. [Evgeniy Satanovskiy: Istoriya — kak kolesnitsa Dzhagernauta u indusov. Peremalyvaet vsekh, kto popal ey pod kolesa / Vladimir Kondrat'ev. — Tekst : elektronnyy // Kont : sayt. — 2019. — 21 dek.]. — URL: <https://cont.ws/@kvf/1536110>. — (In Rus.)

6. Who won the Battle of Borodino // History of Russia. — 2018. — Dec. 10. [Kto pobedil v Borodinskoy bitve // Istoriya Rossii. — 2018. — 10 dek.]. — URL: https://zen.yandex.ru/media/history_russian/kto-pobedil-v-borodinskoi-bitve-5c0e5c6deb86bc00a938af22. — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Lina. Today the Most Unpleasant Story Happened to Me... / Lina — Text : electronic // MZR. Blog. — 2019. — 25 Sept. [Segodnya so mnoy proizoshla nepriyatneyshaya istoriya... / Lina — Tekst : elektronnyy // MZR. Blog. — 2019. — 25 sent.]. — URL: <https://health-diet.ru/people/user/129365/blog/208044/>. — (In Rus.)

8. Marianna Yarovskaya on "Women of the Gulag": "It is important to record the evidence of the era" // Newsader. — 2019. — 8 Jan. [Marianna Yarovskaya o «Zhenshchinakh GULAG»: «Vazhno fiksirovat' svidetel'stva epokhi» // Newsader. — 2019. — 8 yanv.]. — URL: <https://newsader.com/49525-marianna-yarovskaya-o-zhenshinakh-gulaga/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Nice story: a cadet of the Ministry of Emergency Situations from Grodno gave a jacket to a girl who froze to death at a bus stop // Grodno website. — 2019. — Oct 8. [Milaya istoriya: kursant MChS iz Grodno otdal kurtku devochke, zamerzavshey na avtobusnoy ostanovke // Sayt Grodno. — 2019. — 8 okt.]. — URL: http://015.by/news/obshchestvo/milaya_istoriya_kursant_mchs_iz_grodno_otdal_kurtku_devochke_zamerzavshey_na_avtobusnoy_ostanovke_/?sphrase_id=544514. — Text : electronic. — (In Rus.)

10. Plisov, E. Read necessarily. "Sapiens. A Brief History of Humanity" by Yuval Noah Harari / Evgeny Plisov. — Text : electronic // Live books. — 2019. — May 3. [Chitat' obyazatel'no. «Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva» Yuval' Noy Kharari / Evgeniy Plisov. — Tekst : elektronnyy // Zhivye knigi. — 2019. — 3 maya]. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c58138625d7b000b1b3b585/chitat-obiazatelno-sapiens-kratkaia-istoriia-chelovechestva-ivual-noi-harari-5ccc2b3bc76e7d00b1fe3925>. — (In Rus.)

11. A strange story happened to me // Pressa.tv. [So mnoy sluchilas' strannaya istoriya // Pressa.tv]. — URL: <https://pressa.tv/read/48582-so-mnoy-sluchilas-strannaya-istoriya.html>. — (In Rus.)

REFERENCES

12. Ankersmit F. Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language / F. R. Ankersmit. — Moscow : Idea-Press, 2003. — 360 p. — Text : unmediated [Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov. Moskva : Ideja-Press, 2003. — 360s. — Tekst:neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Arutjunova N. D. Language and the world of man. 2nd ed., cor. / N. D. Arutjunova. — Moscow : Languages of Russian Culture. — 1999. — 896 p. — Text : unmediated. [Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. — 896 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Bohm D. Unfolding meaning // Krishnamurti. About the most important Conversations with David Bohm. — 1996. — Text : electronic. (date of access: 02.06. 2020) [Bohm D. Razvertvyvayushheesja znachenie / D.Bohm. — Tekst : elektronnyy]. — URL: <https://proza.ru/2020/03/06/801https://proza.ru/2020/03/06/801> (date of access: 02.06.2020)]. — (In Rus.)

15. Vezhbickaja A. Fate and predestination/ A. Vezhbickaja — Text : unmediated // Path. — 1994. — No 5 — P.82-151. [A. Vezhbickaja Sud'ba i predopredelenie . — Tekst: neposredstvennyy// Put' — 1994 — №5. — S.82-151]. — (In Rus.)

16. Wittgenstein L. Philosophical works. — Text : unmediated / L. Wittgenstein. — Moscow : Gnosis, 1994. — 520 p. [Filosofskie raboty. — Moskva : Gnosis, 1994. — 520 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Gorbunov A. V. Borodino battle as a "moral victory" of the Russian army / A. V. Gorbunov — Text : electronic. — URL: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/1992/Gorbunov.pdf (date of access: 01.07. 2020). [Borodinskoe srazhenie kak «nравstvennaja pobeda» russkoj armii. — Tekst : elektronnyy]. — (In Rus.)

18. Gurjanova A. V. The Phenomenon of "linguistic tum" in postmodern historiography / A. Guryanova. — Text :unmediated // Philosophy. The science. Culture. Issue 4. — Moscow : MSU Publishing house. — 2006. — P. 110—115. [Fenomen «lingvisticheskogo povorota» v postmodernistskoj istoriografii / Gur'janova A. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofija. Nauka. Kul'tura. Vyp. 4. M.: Izd-vo MGU, 2006. S. 110—115]. — (In Rus.)

19. Zinn G. A People's History of the United States / Zinn G. — Text : electronic. — URL: <https://e-libra.ru/read/412126-narodnaya-istoriya-ssha-s-1492-goda-do-nashih-dney.html> (date of access: 01.07. 2020). — (In Rus.)

20. Koselleck R. Can we control history? (From the book "Past future. On the question of the semantics of historical time") / R.Koselleck. — Text : electronic. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (date of access: 05.30.2020). [Mozhem li my rasporjzhat'sja istoriej? (Iz knigi «Proshedshee budushhee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni»). / R. Koselleck. — Tekst : elektronnyy]. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (date of access: 05.30.2020). — (In Rus.)

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Moscow : Editorial URSS. — 2004. — 256 p. — Text : unmediated. [Metafori, kotorymi my zhivem / G. Lakoff and M. Johnson. — Moskva : Editorial URSS. — 2004. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Mac Cormac E. R. A Cognitive Theory of Metaphor / E. R. Mac Cormac. — Text : unmediated // Metaphor theory. — Moscow : Progress — 1990. — P. 358—386. [Kognitivnaja teorija metafory / Je. MakKormak — Moskva :Progress. — 1990. — S. 358—386. — Tekst :neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Medinskij VI. Interesting story / VI. Medinskij. — Text : electronic // Russian Newspaper. — 2017. 04 July. [Interesnaja istorija. / VI. Medinskij // Rossjskaja gazeta. 04 julia, 2017. — Text : elektronnyy]. — URL: <https://rg.ru/2017/07/04/vladimir> (date of access: 03.07.2020).

24. Harari Yu . Sapiens: A Brief History of Humanity / Yu. Harari. —Text : electronic. — URL: <https://readli.net/sapiens-kratkaya-istoriya-chelovechestva/> (date of access: 03.7. 2020). [Yu. Charari. Kratkaja Istoriya chelovechestva. — Text : elektronnyy]. — (In Rus.)

25. Halas, E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age / E. Halas. — URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00571038/document> (date of access: 02.07. 2020). — Text : electronic.

26. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. — 320 p. — URL: <https://www.twirpx.com/file/790453/> (date of access: 02.06.2020). — Text : electronic.

27. Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations / Anna Wierzbicka. — New York : Oxford Univ. Pr., 1992. — 487 p. — Text : unmediated.